

Шу Сюнь бесцельно брел вперед, не ведая, куда держит путь. В его маленькой голове уже укоренилась горькая мысль: в теплый, уютный дом возврата нет. Больше не будет рядом ни батюшки, ни матушки, ни младших братьев. Отныне и навек он остался совсем один.

Перебираясь через узловатый, выпирающий из земли корень, затерявшийся в мыслях малыш слишком поздно заметил скрытую за ним глубокую яму. Споткнувшись, он с тихим писком полетел вниз по крутому склону. К счастью, мягкая, рыхлая земля смягчила падение — Шу Сюнь не ушибся, лишь сделал пару невольных кувырков и замер.

Несмотря на то что на теле не осталось ни царапины, кроха так и остался лежать ничком на самом дне. Он сам не понимал, чего ждет, на что надеется и на что уповает в глубине души...

Минуты складывались в часы, но вековой лес хранил угрюмое молчание. Никто не спешил поднять его, прижать к себе и утешить. Последний огонек надежды угас в глазах Шу Сюня. Смирившись, он перестал бороться и просто затих, свернувшись клубочком в сырой темноте.

Солнце медленно клонилось к закату. Скучный свет, пробивавшийся сквозь густые кроны, стремительно терял последнее тепло, пока и вовсе не уступил место сумраку. На севере даже в апреле ночной холод пробирает до самых костей. Воздух тяжелеет от влаги. В черном небе, затянутом плотной пеленой, не мерцало ни единой звезды — природа словно замерла в тревожном ожидании грозы.

Сон сморил Шу Сюня незаметно. Проснулся он от крупной дрожи — ледяной холод безжалостно впивался под кожу. Малыш сел, силясь совладать с обрушившейся на него темнотой. К счастью, зрение мышей-искателей сокровищ позволяло различать очертания предметов даже во мраке, пускай ночная мгла и накладывала свои ограничения, смазывая детали и мешая верно оценивать расстояние.

Оглядевшись, кроха прикинул, что глубина ямы составляет около полуметра. Однако склоны были слишком крутыми, а осыпающаяся под лапками сухая земля превращала любой подъем в непосильную задачу. Вдруг из его живота донеслось отчетливое голодное урчание. Шу Сюнь потрогал крохотный животик и со вздохом понял: со вчерашнего дня у него маковой росинки во рту не было.

Развязав свой узелок, он заглянул внутрь. Там лежало его любимое вяленое мясо, сладкие лепешки из маша, два комплекта одежды — современный и старинный, традиционный, — а также аккуратно свернутое маленькое одеяльце. На самом дне обнаружился крошечный фарфоровый флакончик, наполненный мельчайшими крупинками.

В памяти Шу Сюня всплыли матушкины слова. Когда-то давно на Континенте Созвездий она выменяла эти драгоценные споры линчжи у самой Бессмертной травы Пурпурного Линчжи, отдав взамен сброшенные во время линьки детские коготки сына.

Шмыгнув носом, малыш сглотнул подступившие слезы и продолжил осмотр. В узелке отыскиались несколько нефритовых пластинок-свитков, но прочесть их сейчас не

представлялось возможным — его духовных сил для этого слишком не хватало. Еще там лежали планшет и семейная фотография. На снимке маленький Шу Сюнь сидел прямо посередине, а по бокам к нему тесно прижимались два младших брата, которые успели вытянуться чуть выше него. Три пухлые, круглые щеки сливались в одну уморительную картину, а по краям, облаченные в изысканные старинные одежды, величественно стояли отец и мать.

Бережно отложив семейный снимок, Шу Сюнь достал машевую лепешку и быстро утолил голод. Закончив с трапезой, он тщательно перевязал узелок, закинул его за спину и покрепче затянул ляжки. Пора было выбираться.

Однако не успел он сделать и шага, как сверху с тяжелым стуком рухнула ледяная капля. Она с силой ударила в землю, подняв облачко пыли. Испуганный кроха отпрянул. Едва он перевел дух, как рядом хлопнулась вторая капля, заставив его неуклюже уклониться. Малыш недоуменно задрал голову к небу.

Кроны вековых деревьев скрывали ночной небосвод, но не могли удержать потоки воды. Шу Сюнь в ужасе уставился на летящие сверху водяные бомбы — каждая капля была размером едва ли не с его крохотный кулачок.

Первый весенний ливень, созревавший так долго, наконец хлынул стеной. Гром сотрясал землю, молнии озаряли чащу резкими, рваными вспышками. Лес пробуждался: под живительной влагой оживали семена, расправлялись почки, зарождались миллионы новых жизней.

Для природы этот дождь знаменовал возрождение, но для беззащитного Шу Сюня он стал настоящим стихийным бедствием. Мало того что тяжелые капли грозили сбить его с ног и оглушить, так еще и склоны ямы мгновенно раскисли, а на дне начала стремительно прибывать холодная грязная вода.

Он упрямо карабкался вверх, но раз за разом соскальзывал в бурлящую лужу. Упираясь короткими ножками в раскисший склон, он замер на мгновение, чтобы перевести дух, и тут же получил несколько тяжелых ударов по макушке.

Поняв, что выбраться традиционным путем не удастся, Шу Сюнь принял волевое решение. На его пухлых детских пальчиках блеснули смертоносные искры — коготки мгновенно удлинились и заострились. Хотя он был еще совсем крохой, природное оружие мышей-искателей сокровищ уже отличалось невероятной остротой.

Прижавшись к стене ямы, он принялся яростно рыть землю. Вскоре образовалась небольшая ниша, куда он поспешил забиться. Лихорадочно перебирая лапками, малыш начал прокладывать ход наискось вверх. Опасаясь обвала размякшего грунта, он повел подкоп в сторону могучего соснового корня — плотное переплетение древесины должно было защитить его тоннель. Врожденное чутье духовного зверя вело его безошибочно: на таком коротком расстоянии он просто не мог сбиться с пути.

Спустя несколько минут у подножия сосны вспучился небольшой холмик. Из него показалась забавная, перемазанная землей мордашка. Выбравшись на поверхность, Шу Сюнь облегченно вздохнул. Земля вокруг корней превратилась в сплошное месиво, и малыш промок до нитки, покрывшись слоем жидкой грязи. Впрочем, его дорожный узелок, защищенный особой тканью, остался сухим и невредимым.

Буря свирепствовала еще около часа, прежде чем неистовый ветер и потоки воды начали стихать. Однако небо не спешило проясняться: мелкая, занудная изморось тянулась до самого рассвета, унявшись лишь к утру.

Новое утро встретило тайгу звенящей чистотой. Ночной ливень умыл хвою и кору, наполнив воздух хрустальной свежестью. В низинах поблескивали крохотные озера талой и дождевой воды. Порывы северного ветра, все еще по-весеннему колючего, встряхивали ветви, и тогда на землю сверкающим бисером сыпались тяжелые капли, вспыхивая на лету в первых лучах солнца.

На стволе могучего столетнего кедра чернело крошечное дупло. Неровные края и свежие щепки выдавали работу — вернее, коготки — новоиспеченного мастера. Внутри этого скромного убежища, завернувшись в мягкое одеяльце, безмятежно спал маленький комочек. Рядом, развешанные на сучках-вешалках, сохли его крохотные одежки, с которых уже перестала капать вода.

Когда золотистый луч скользнул внутрь дупла, соня наконец зашевелился. Сладко зевнув, Шу Сюнь высунул носик наружу, любуясь ярким весенним утром. Немного понежившись, он все же заставил себя подняться.

Переодевшись в сухое, малыш аккуратно свернул грязные вещи — их нужно было постирать в ближайшем чистом ручье. Накинув за плечи верный узелок, он ловко, словно настоящая белка, попрыгал вниз по шероховатым ветвям.

Вскоре на влажной земле потянулась цепочка крошечных, едва заметных следов, уводящих маленького путешественника навстречу неизведанному.

Один месяц спустя

Тайга Чанбайшаня преобразилась до неузнаваемости. Наступивший май вдохнул жизнь в каждый уголок дикого леса, являя миру сокрушительную силу весеннего возрождения. Воздух густо пах разогретой смолой и молодой хвоей, а тишину прорезал нескончаемый, разноголосый птичий гомон.

Шу Сюнь за это время тоже разительно переменялся. Прежний страх, растерянность и детские обиды мало-помалу уступили место спокойной уверенности. Познавая законы этого нового для

него мира, он закалялся духом.

Четкого плана у малыша не было, но его вела вперед бесконечная вера в рассказы матушки. Она часто с благоговением вспоминала северо-восточные земли Китая, и Шу Сюнь твердо решил: его первым шагом станет покорение знаменитых гор Чанбайшань. Он обязательно найдет и наестся досыта целебным диким женьшенем, а затем выберется к людям и отведает легендарную тушеную свинину с прозрачной лапшой и ту самую квашеную капусту, которую, если верить сказкам, готовит какая-то загадочная тетушка Цуйхуа...

В лесу, куда медленно, но верно подкрадывалось теплое лето, теперь частенько можно было заметить крохотного путника. Смешной пушистый комочек с дорожным узелком за плечами неторопливо пробирался сквозь чащу. Для него обычные семейки грибов казались неприступными хребтами, которые приходилось штурмовать с немалым трудом, а лесные ручейки шириной в ладонь оборачивались бурными реками. Натываясь на глубокие лужи, Шу Сюнь не унывал — он забирался на плотный дубовый лист и, словно отважный капитан, не спеша греб веточкой к другому берегу.

Месяц одиночества многому научил кроху. Он освоил искусство маскировки, научился безошибочно вычислять притаившихся хищников и находить съедобные корни. Без родительской опеки суровые законы дикой природы предстали перед ним во всей своей беспощадной наготы. Ступать назад было нельзя — только вперед. И крошечный Пушок рос и развивался с поразительной, почти пугающей скоростью.

В тот день Шу Сюнь сидел на широком стебле папоротника, уныло разжевывая жесткий кусочек сушеного мяса. Раннее лето скупилось на дары, и еды в тайге почти не было. Проведя несколько дней на безвкусной диете из пресных корешков, малыш скрепя сердце распечатал свои запасы. Глядя на последние сиротливые волокна вяленого мяса, он горестно вздохнул, отчего его круглые щеки надулись, став похожими на спелые паровые булочки.

И вдруг среди густого разнотравья его взгляд зацепился за до боли знакомый резной листик.

Шу Сюнь кубарем скатился со своего наблюдательного пункта и во весь опор припустил к находке. Нарезав пару осторожных кругов и убедившись в отсутствии змей, он подбежал поближе. Его черные глазки-бусины восторженно заблестели. Сомнений не оставалось: перед ним рос настоящий дикий женьшень! Настроение крохи мгновенно взлетело до небес.

Загибая крохотные пальчики, он тщательно пересчитал веточки — целых шесть сложных листьев! Малыш принялся бережно разгребать верхний слой почвы у основания стебля, чтобы осмотреть корневую шейку. Сморщив чувствительный носик, он шумно втянул воздух. Судя по характерному, терпкому аромату, этому сокровищу было никак не меньше ста лет. Более точный возраст его скромных познаний определить пока не позволял.

Глубоко вздохнув, Шу Сюнь засучил рукава и принялся за работу. Поскольку вековой корень попался ему впервые, действовал он с ювелирной осторожностью. Острые коготки без труда врезались в плотную землю, аккуратно отбрасывая в сторону комочки глины. Сантиметр за

сантиметром он уходил под землю, прокладывая глубокую шахту. Лишь когда глубина подкопа превысила метр, показались тончайшие, как паутинка, боковые корешки драгоценного растения.

Спустя два часа изнурительного труда уставший, но безмерно счастливый Шу Сюнь наконец прижал к груди великолепный неповрежденный корень.

Сидя на дне собственноручно вырытого колодца, он бережно завернул находку в чистую тряпицу и уложил в узелок. На корневище не было ни единой царапины, но даже сквозь плотную ткань сочился густой, дурманивший аромат, напоенный чистейшей природной энергией. Шу Сюнь не сомневался: это растение росло здесь долгие века. Не будь законы этого мира столь суровы к магии, древний корень наверняка уже обрел бы собственное сознание и превратился в лесного духа.

Взвалив потяжелевшую ношу на плечи, малыш осмотрелся. Колодец получился конусообразным — узким у поверхности и широким внизу, так что пытаться карабкаться по осыпающимся стенам не имело смысла. Гораздо проще было пробить новый ход наружу.

Выпустив коготки, Шу Сюнь уверенно вонзил их в земляную стену. За прошедший месяц его навыки землекопа заметно окрепли. До мастерства предков ему, конечно, было далеко, но он уже умел правильно распределять нагрузку и укреплять своды, чтобы его не завалило. Лапки так и мелькали в полумраке. Отличная находка подняла ему настроение, и он тихонько замурлыкал под нос веселую песенку.

В мыслях он уже всю планировал, где бы поуютнее устроиться, чтобы съесть это чудодейственное лакомство. Столь мощный источник духовной силы пускай и не гарантировал мгновенного прорыва в культивации, но точно помог бы пробудить дремлющие родовые таланты и открыть доступ к запечатанной памяти предков.

И в этом крылась его главная надежда. Духовные звери, способные принимать человеческий облик с самого рождения, благословенны небом — им не нужно проходить через смертоносную грозную кару трансформации. Однако законы Великого Равновесия строги: за столь легкий старт приходится платить. Рождаясь очеловеченными, такие существа не получают родовую память и магические способности автоматически при пробуждении разума. Им требуется время, упорный труд и колоссальное количество духовной энергии, чтобы постепенно открыть сокровищницу древних знаний своего клана.